Б. Н. ПУТИЛОВ

О ПРОЗАИЗМАХ И БЕСФОРМУЛЬНЫХ СТИХАХ У КИРШИ ДАНИЛОВА

В статье тридцатилетней давности, написанной для сборника в честь Павла Наумовича Беркова,[1] я коснулся вопроса о текстовой материи былин, которые записал в середине XVIII века Кирша Данилов. Подчеркивая подлинность и точность записей, я в то же время отметил наличие «прозаизмов», которые отнес на счет особенностей работы записывавшего.

Сейчас, по прошествии многих лет, я вижу необходимость вернуться к этой теме и взглянуть на «прозаизмы» несколько с другой стороны, основываясь на современных представлениях о природе и специфике эпических стихов, о роли формульного начала в их создании и варьировании.

Возвращение к текстам Кирши Данилова вызвано еще и тем существенным обстоятельством, что за прошедшее после выхода упомянутой статьи время найдены новые важные свидетельства о личности Кирши и в значительной мере доказана принадлежность большинства текстов одному певцу, который, скорее всего, сам их и записал.[2] Последнее обстоятельство определило самый характер анализа былинных фрагментов, предпринятого в предлагаемой читателю статье

Изучение былинного стиха как первоэлемента устного эпоса привело меня к убеждению в перспективности анализа былин-

---

[1] *Путилов Б Н* «Сборник Кирши Данилова» и традиции русского фольклоризма XVIII в // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры К 70-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР П Н Беркова М , Л , 1966 С 28–35 (XVIII век Сб 7)

[2] См *Горелов А А* Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова // Проблемы художественной формы Русский фольклор Л , 1974 Т XIV С. 166–201

© Б Н Путилов, 1999

ных текстов на микроуровне, внимания к «кирпичикам», из которых складывается любая былина, к выявлению в записанных текстах соотношений их с живыми традициями пропеваемого произведения, с выработанными правилами и приемами построения стиха

Былинный стих в своем типичном, наиболее распространенном и соответствовавшем традиции состоянии носил формульный характер Современное понимание эпической формулы наиболее адекватно передано А Лордом, повторившим определение своего учителя М Пэрри формула — это «группа слов, регулярно используемая в одних и тех же метрических условиях для выражения данной основной мысли»[3] Принципиально важным здесь является объединение двух генеральных признаков стереотипии, т е традиционности, закрепляющей однажды найденную (или постепенно выработанную) удачную форму передачи «мысли» (т е изображения предмета, действия, состояния, имени и т п), и приспособленности к метрическим условиям, т е к тому, чтобы составить пропеваемый стих либо часть его Организованность формульного стиха — синтаксическая и морфологическая, лексическая и стилистическая — в конечном счете обеспечивает выполнение метрического условия стих должен быть пропет в рамках заданной и известной певцу музыкальной формы

Такова идеальная ситуация, которую хорошие певцы, мастера, стремятся соблюсти Но это не всегда получается По тем или другим причинам в ходе исполнения былины певцом «идеальный» (а лучше сказать — нормальный) формульный стих может не состояться На его месте появляется стих неформульный, то есть не до конца организованный и не отвечающий метрическим условиям Хороший певец все равно «исхитрится» и уложит стих в границы музыкального фрагмента, в крайнем случае проговорит его Вот эти случаи я и отношу в разряд «прозаизмов»

В живом исполнении, особенно искусного певца, они могут пройти незамеченными Но будучи записанными, они бросаются в глаза

«Прозаизмы» могут быть выделены (или угаданы) по нескольким признакам

1) несоответствие длины стиха общему ряду, его странная усеченность, метрическая неполнота,

2) неорганизованность, несоответствие синтаксическим и иным правилам построения стиха в былине,

3) непривычная, неформульная лексика,

---

[3] *Лорд А* Сказитель М , 1994 С 42

4) метрическая неупорядоченность, «корявость», прозаичность фразы или части ее.

Все это есть в Сборнике Кирши Данилова, что придает текстам специфическую окраску возникает ощущение, что время от времени в текстах былин, характеризующихся высокой поэтичностью, строгой эпической обрядностью, вдруг обнаруживаются перебои, словно у певца не хватает дыхания, чтобы поддерживать заданную им же форму Нарушения такого рода — вовсе не свойство одного Кирши: «прозаизмы» можно обнаружить и в текстах севернорусских сказителей, в том числе знаменитых мастеров

Изучение текстов сказителя XVIII века, соединившего в себе певца и собирателя, интересно как в историческом плане, так и для понимания специфики сказительского искусства вообще

Наши заметки охватывают лишь малую часть Сборника. Нас интересовали «прозаизмы», органически вкрапленные в былинные повествования, не являющиеся простыми оговорками исполнителя.

1

Уже в былине, которой открывается Сборник Кирши Данилова (о Соловье Будимировиче) и которая может служить образцом выдержанности эпической стилистики и формульности стихов, мы обнаруживаем несколько фраз, явно выпадающих из этого ряда: по своей структуре, по лексическому составу, по метрической неупорядоченности они воспринимаются как прозаические включения Показательно, что из пяти случаев четыре не находят никаких аналогий в известных нам вариантах былины:

Товарную пошлину в таможне платили.[4]

(в самой былине эта фраза затем как-то перекликается с сообщением «щапа» Попова, будто в городе Леденце «Соловей у царя в *протаможье* попал»).

«На то тебе с княгинею подумаю» (с 11) —

это ответ князя на просьбу Соловья о женитьбе на его племяннице

[4] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот А П Евгеньева и Б Н Путилов 2-е изд., доп М., 1977 С 11 Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы

«И когда-то там расторгуешься,
Тогда и на Запаве женишься» (с 13) —

реплика князя

«Я-де об нем слышел
Да и сам подлинно видел » (с 13) —

из сообщения «щапа» Попова

Задержимся на пятом случае, так как он в известной мере показателен для обращения Кирши с запасом его эпического знания

Князю дары полюбилися,
А княжне наипаче того (с 11)

Второй стих явно неформульный Двустишие вообще выпадает из описательного ряда своей предельной укороченностью Певец словно бы отделывается скороговоркой там, где можно было бы «развернуться» В известных нам севернорусских вариантах случаи подобной краткости редки, но они отличаются строгой формульностью

Ишше князю-то подароцьки приглянулисе,
Ишше матушке подароцьки прилюбилисе [5]
И тыи подарки в любовь пришли [6]
А эти дарова князю полюбилися [7]

Но чаще сказители не отказывают себе в удовольствии задержаться на передаче этого эпизода

А принимат-то княгиня да восхваливат
«А ты млад Соловей да сын Гудимирович!
А спасибо за подарочки великии
А не бывать-то зди камки такой во Киеве,
И не бывать, не бывать да не бывать таковой» [8]

Очевидно, что Кирша знал какую-то формульную версию данного места в былине, но либо в момент исполнения для записи не нашел ее, либо решил изложить ее в уплощенной, прозаизированной форме

---

[5] Архангельские былины и исторические песни, собранные А Д Григорьевым в 1899–1901 годах СПб , 1910 Т 3 С 142

[6] Песни, собранные П Н Рыбниковым В 3 т / Под ред Б Н Путилова Петрозаводск, 1990 Т 2 С 387

[7] Онежские былины, записанные А. Ф Гильфердингом летом 1871 года 4-е изд М , Л , 1951 Т 3 С 126

[8] Там же Л , 1949 Т 1 С 491

Со сходными случаями мы встречаемся в Сборнике и далее

В исторической песне «Мастрюк Темрюкович» 82 первых стиха выдержаны в относительно строгой формульной манере Первое нарушение

Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу (с 29)

«Об том» не характерно для эпической стилистики происшествие должно быть изложено, а значит — необходима прямая речь

Что возговорит боярин большой,
Князь Никита Романович
«Уж и вот я к царю побегу,
Вот я царю доложу,
Царю Ивану Васильевичу»

И далее следует сам доклад — опять же в прямой речи [9]

Заменяя традиционную форму изложения через прямую речь и неизбежные повторения одним неформульным стихом, Кирша не просто уплощает эпическое повествование, но лишает его характерной пространности, неспешности — частично «подсушивает» его, а одновременно придает ему больший динамизм

Чуть ниже — аналогичный случай

Никита Романович
Привел борцов ко дворцу (с 29),

Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу (с 30)

Другими словами, «прозаизмы» оказываются для Кирши стереотипами

В вариантах соответствующее место излагается в традиционной «формульной» манере, и, безусловно, такое изложение имеет преимущества

Князь Никита Романович
Входил в нову горенку
«Ох вы гости мои, полюбовны мои,
Вот у нас хлеб-соль на столе,
А пришли борцы на дворе» [10]

---

[9] Исторические песни XIII–XVI веков / Изд подгот Б Н Путилов и Б М Добровольский М , Л , 1960 С 195

[10] Там же С 195

Последние два стиха прочно утвердились в вариантах песни,[11] в то время как стихи, которыми вводится в текст Никита Романович, варьируют, например

А втапоры стольник царев
Микита Романовиць
Он скоро докладывал
Большему шурину
Кострюку-Темрюку [12]

Как тут ли Никита Романович
Приходит во палаты белокаменны,
Сам он говорит да таково слово [13]

По другим версиям, повествование следует непосредственно за самими борцами

Вот идут они на царский двор,
Ничего не спасаются,
Ничего не страхаются [14]
Прибежали оны на царськой двор,
И расскочились оны да по царскому двору [15]

Кирша Данилов существенно сокращает повествование, сводя его к одному-единственному «Привел борцов ко двору»

Остается под вопросом имеем ли мы дело в таких случаях со спецификой сказительской эстетики, с установкой на «уплощение» и прозаизацию «переходных» моментов былинного повествования, или здесь проявилась инерция записывавшего (т е , скорее всего, того же Кирши), который время от времени «ускорял» передачу эпического нарратива, пренебрегая сохранением его «тонкостей»?

2

Встречаются в Сборнике случаи «уплощенного» изложения, когда лишь сравнительный материал позволяет догадываться о сокращениях и «восстанавливать» в общем плане содержание сокращенного фрагмента, и при этом остается открытым вопрос существовал ли такой фрагмент в индивидуальной версии Кирши?

---

[11] Исторические песни XIII–XVI веков / Изд подгот Б Н Путилов и Б М Добровольский М , Л , 1960 С 172, 179

[12] Там же С 170, ср с 176

[13] Там же С 165

[14] Там же С 186

[15] Там же С 164

В былине о Дюке Степановиче после пассажа, рисующего приезд князя Владимира в дом Дюка и безнадежные попытки его переписать имущество богатыря, следует:

А и дом его крестьянский переписывали —
Бумаги не стало,
То оттеля Дюк Степанович
Повел князя Владимира <. . .>
К своей сударыни-матушке (с. 23).

Мотив приезда самого князя ради переписи имения Дюка очень редок — обычно князь посылает кого-то из своих приближенных. Сам акт переписи в вариантах описывается подробно, с особенным вкусом. Явно бесформульному стиху «Бумаги не стало» находятся соответствия в севернорусских вариантах.

Ближе всего к версии Кирши:

Ай-я не стало у нас право чернила ведь
Не хватило у нас право гумаги-то.[16]

Более пространно и в эпическом духе:

Вы скажите-тко князю Владимиру:
Он на бумагу продаст пусть Киев-град,
А на чернила продаст весь Чернигов-град,
А тогда приедет животишечков сиротскиих описывать.[17]

Или:

Да нам из города из Киева
Везти бумаги на шести возах,
Да чернил везти на трех возах,
Описывать Дюково богатчество, —
Да не описать будет.[18]

Еще один случай нарушения формульности — в былине о Дунае:

Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна,—
Женской пол от тово пухол живет (с. 59).

В известных вариантах «Дуная» единоборство описывается чаще всего традиционно (встретились два богатыря) — с тем лишь отличием, что Дунай, победив, обнаруживает, что бился с жен-

[16] Былины Севера / Запись, вступ. ст. и коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938. Т. 1. С. 427.

[17] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 580; см. там же. С. 519.

[18] Там же. С. 222–223.

щиной (в ряде вариантов поединка вообще нет). Тем не менее аналогии к стихам Кирши нашлись:

Он правою рукою ю по пелькам бил,
А левою ногою ю под гузно пихнул.[19]

По совету Добрыни «Дунай тряс ей за пельки, Пинал под гузно».[20]

С третьим стихом Кирши сложнее. Лишь однажды мы нашли отдаленную параллель:

Да баба-то право нынь задом пухла

(из обращения Добрыни к Дунаю).[21] А это значит, что редкое для эпоса словцо «пухол» Кирша не выдумал, однако поставил его в не имеющий аналогий контекст: «женский пол» «пухол» от мужского битья.

В былине о Дунае есть еще одно место, изложенное стихами, которые трудно отнести к формульным. Дунай привозит свою суженую в Киев.

«Доложитесь князю Владимеру
Не о том, что идти во светлы гридни,—
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платья женскова только одна и есть епанечка бела» (с. 60).

Ничего подобного в известных вариантах былины нет. Между тем стихи эти не случайны. Чуть выше говорится о том, что Дунай

Приказал он девице наряжатися
В простую епанечку белую.

Владимир сразу же откликается на жалобу Дуная — следуют формульные стихи о том, как наряжали «княгиню новобрачную».

В том же «Дунае» нетрадиционно завершение истории с двойной женитьбой — Владимира и Дуная:

Сели уже две сестры за одним столом,
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимира
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал (с. 61).

---

[19] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 1. С. 332.

[20] *Ончуков Н. Е.* Печорские былины. СПб., 1904. С. 341.

[21] Там же.

Показательно, что пассаж этот является продолжением вполне формульной серии, и в нем самом стихи второй и пятый выдержаны в формульном духе. Без первого, третьего и четвертого стихов эти два естественно укладываются в ход изложения. В таком случае, может быть, неформульные вставки — это дань стремления Кирши к усилению «рационального» начала в нарративе?

В севернорусских вариантах былины все выглядит более упорядоченным и органичным:

Меньша сестра венчается,
Больша сестрица к венцу пришла.
Пир у них пошел ровна по три дня.[22]

Дунай хвастает:

«Я-ка в землях ляховинскиих
Как сам женился да царя женил,
Вытащил две белыя две лебеди».[23]
«Сам себя женил да дружка подарил».[24]

По-видимому, Кирша не выдумал свои вставки, но не нашел для них формульного выражения.

3

Формульность стихов у Кирши может нарушаться сдвигами внутри них — лексическими или синтаксическими. Их изначальная традиционность подтверждается параллелями из других источников.

В былине «Добрыня и Маринка»:

А стала ево Маринка в окошко бранить,
Ему больно пенять.
. . . . . .
Она высунолась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса (с. 45).

В вариантах:

И та курва Мариночка Игнатьевна
А металасе в окошечко по поясу.[25]

[22] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. С. 189.

[23] Там же. С. 420.

[24] Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. С. 130.

[25] Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 3. С. 412.

А шибалася в окошко тут Маринушка,—
Она да ведь во тоненькой рубашечке без пояса,
Да в полотняных она цюлоциках без и цеботов [26]

Любопытны некоторые трансформации стиховых реалий, осуществляемые Киршей В двустишии:

Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет

(с. 31; речь идет о Кострюке, побежденном русскими борцами) — первый стих, конечно же, восходит к былинной формуле, в которой, однако, «сором» имеет вполне вещественное значение

Он сором-ат ладонью зажал,
А сам в подклеть побежал.[27]
Кострюк-то сором зажал
Да под крылец побежал [28]

То же и о «стыде»:

Он стыд-от в горсть захватил,
Да под новые сени побежал.[29]

4

Эпический стих Кирши Данилова отражает особенность его нарративной манеры — избегание прямых повторений и сознательная или бессознательная установка на варьирование одних и тех же формульных стихов либо их исключение. Показателен пример из песни о Мастрюке.

Борцы, вызванные для поединка с шурином царя, спрашивают.

«Сметь ли нага спустить
С царским шурином,
И сметь ли его поборотъ?»

Царь отвечает·

«Кто бы Мастрюка поборол
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял,

---

[26] Онежские былины / Подбор былин и науч ред текстов Ю М Соколова; Подгот текстов к печати, примеч и словарь В И Чичерова М., 1948. С. 852

[27] Исторические песни XIII–XVI веков С 193

[28] Там же С 196

[29] Там же С 171

Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила» (с. 30).

Безукоризненная формульность ответа контрастирует со стихами-вопросами. К тому же второй стих явно не на месте, и напрашивается конъектура типа:

«А сметь ли его побороть,
Царского шурина,
Сметь ли нага спустить?».[30]

Мы ожидали бы, что предложение «нага спустить» получит реализацию в финале поединка — в соответствии с эпической традицией, и формула будет повторена. Между тем у Кирши другой вариант изложения развязки:

Мастрюк без памети лежит,
Не слыхал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем (с. 31).

Стихи (особенно первые два) не вполне формульные.

В жалобе Марьи Темрюковны царю на борца: «Почто он платье снимает?» (с. 32).

В севернорусских вариантах стихи с формулой «нага спустить» не редкость. Как правило, они повторяются (разумеется, варьируясь) несколько раз: в запросе борца, в ответе царя, в изложении развязки, в жалобе царицы. Близко к тексту Кирши:

Борцы. Уж мы кой коего поборём,
С виноватого чтобы платье снять,
Да опустить его нага, да как мать родила!

Итог. На Кострюке кожа треснула,
Он спустил его нага, да как мать родила.[31]

В севернорусских вариантах формула «нага спустить» обрастает деталями, дополнительными стихами:

---

[30] А. А. Горелов убедительно показывает, что к конъектурам текста Кирши Данилова надо подходить крайне осторожно, избегая опасностей «литературного восприятия фольклорного текста» (*Горелов А. А.* Из наблюдений над текстами Сборника Кирши Данилова // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 373). Разумеется, я не предлагаю вносить данную конъектуру в издание Сборника, а лишь указываю на возможность «нормального» прочтения стихов.

[31] Исторические песни XIII–XVI веков. С. 143.

Молодого черкашенку
Да ушиб о сыру землю,
О че́реду кирпичную,
Из холы́ ногу выставил,
Из плеча руку выломил,
Да нага по двору спустил.[32]

Вариант Кирши в этом месте скуповат на краски, хотя стихи, содержащие ответ царя, свидетельствуют, что сказитель владел запасом таких красок.

* * *

А. А. Горелов справедливо замечает, что «общеприемлемая версия происхождения и концепция исторической жизни» Сборника Кирши Данилова «может сложиться» в первую очередь из анализа, открывающего «подробности текста».[33] Добавлю к этому: те же «подробности» текстовой материи могут многое дать для понимания Кирши как сказителя с его индивидуальным осмыслением эпической традиции и верностью ей и как собирателя с его установкой на создание «народной книги», предназначенной не только для воспроизведения в живом сказительском исполнении, но и для чтения — людьми, которым эпические истории интересны сами по себе. Двоякий взгляд на Киршу весьма непрост, и нельзя сказать, чтобы мы выработали надежные методические подходы к нему. Во всяком случае, анализ «подробностей» — с обязательным подключением сравнительных данных и с учетом всего того, что нам известно о русском сказительском искусстве,— представляет собою один из путей достижения реальных результатов.

---

[32] Там же. С. 177.

[33] *Горелов А. А.* Из наблюдений над текстами Сборника Кирши Данилова. С. 381.